

СОДЕРЖАНИЕ

I. Прежде	9
II. Сейчас	21
III. Потом	339
Голос испанской памяти	351

*Моим детям,
которые никогда не целовали хлеб*

Беден был мой отец,
очень беден,
и отец моего отца,
и я тоже беден...

Здесь, в Испании, нищета портит кровь,
и тебе вовек не отмыться от запаха бедности,
и твою бедность превращают в вину —
изощренное искусство морали.

Бедны и виноваты
отец моего отца,
мой отец
и я.

Мануэль Вилас. История Испании
Из «Полного собрания стихов (1980–2015)»

I. Прежде

Мы находимся в одном из центральных районов Мадрида. Как он называется — неважно: это мог бы быть любой из немногочисленных старых районов, в котором есть и респектабельные хорошо сохранившиеся здания, и совсем уж ветхие. Достопримечательностей в моем районе немного, но он все равно красив, потому что он живой.

Улицы здесь самые разные. Есть широкие, с раскидистыми деревьями, кроны которых нависают над балконами нижних этажей, но большинство — узкие. Вдоль них тоже растут деревья, но посажены они поскромнее и потеснее и всегда аккуратно подстрижены, чтобы не занимали слишком много места, которого, кажется, не хватает даже в воздухе; нежная зелень — весной, благодатная тень — летом, когда пройти с утра пораньше по свежевывытому тротуару — бесценная роскошь и бесплатное наслаждение. Площадей хватает, и все они небольшие. В центре каждой — церковь и статуя, фигуры героев и святых, а еще скамейки, качели, собачьи площадки. Все эти площади, неотличимые друг от друга, явно построены одним подрядчиком,

выигравшим какой-нибудь городской тендер, и вопросами о причинах его успеха лучше не задаваться. А вот переулков мало, но они прекрасны, — прибежище влюбленных парочек, скрывающихся от посторонних глаз, и подростков, решивших прогулять уроки, — они героически выстояли, год за годом сопротивляясь планам уничтожения, разработанным в мэрии, в отделе городского благоустройства. Выстояли и живы по-прежнему, как и сам район.

Но самое ценное здесь — жители района, все эти персонажи, пестрые и разношерстные, такие же аккуратные или сумбурные, как и их дома. Многие из них живут тут всю жизнь — в хороших домах с консержем, лифтом и мрамором в подъезде, каких полно на широких улицах, но и на узких такие найдутся, а другие — в домах попроще, с крошечной комнатухой консержа, а то и без нее. В этом районе мраморные подъезды издавна соседствовали со стенами из гипсокартона, богатые — с бедными. Коренные жители этих мест пережили упадок семидесятых годов прошлого века, когда модно стало уезжать из центра, потом — бешеные восьмидесятые, когда обвал цен привел сюда множество новых поселенцев, навьюченных книжными полками с рынка Растро, постерами с Че Геварой, а также индийскими узорчатыми тканями, служившими для самых разных целей — повесить на стену, покрыть постель, обить ободранный диван, найденный на помойке; наконец, пережили они и возрождение района в девяностых, когда во время первого ипотечного пузыря вдруг выяснилось, что круче всего опять жить в центре.

А потом реальность зашаталась, и они вместе с ней. Вначале они ощутили тряску, земля словно ушла у них из-под ног, но они надеялись, что это всего лишь оптическая иллюзия. Ничего страшного, успокаивали они себя и друг друга, но ошиблись: внешне все было по-прежнему, но асфальт на улицах потрескался, и от земли пошел раскаленный тлетворный пар, заражающий воздух. Самих расселин никто не видел, но все чувствовали: через них уходят покой, благополучие и будущее. Жители отреагировали по-разному. Некоторые сдались, они здесь больше не живут. Другие по-прежнему борются с драконом своим собственным оружием, каждый по-своему.

Старики не особенно боятся.

Они помнят, как еще совсем недавно девушки-горничные ледяными зимними утрами не ходили по мадридским улицам, а перемещались бегом, всегда бегом, скрестив руки на груди, пытаясь сохранить тепло шерстяной кофты, с голыми ногами, без носков, в простых парусиновых туфлях, ох, как же быстро они бегали! А еще старики помнят загадочных мужчин, которые медленно шагали, поднимая воротники пиджаков, с картонными чемоданчиками в руках. Мы, тогдашние дети, смотрели на них во все глаза, не понимая, как это они не мерзнут, восхищались их мужеством и никого ни о чем не спрашивали, хоть и сгорали от любопытства.

В шестидесятых годах XX века любопытство испанских детей считалось большим грехом. Мы выросли среди фотографий, стоявших в рамочке на комодике или похороненных

в ящике стола, фотографий улыбающихся молодых людей, нам незнакомых.

— А это кто?

— Ах, это... — Люди на снимках оказывались тетушками, женихами, братьями, дедами, кузинами и подругами семьи, и все они были мертвы.

— А когда он умер?

— Ой, — тут взрослые начинали нервничать, — давным-давно.

— Но как, почему, что случилось?

— На войне или после войны, это такая грустная, такая печальная история, давай лучше не будем... — И в этой загадочной точке, при упоминании конфликта, о котором никто из взрослых не хотел говорить, хотя от него в глазах жгло, как от открытой раны, зараженной страхом или виной, заканчивались все наши обсуждения. — Как там уроки, все сделал? Ну тогда иди поиграй, а лучше беги мыться, да поскорей, а то потом все соберутся в душ и горячая вода закончится.

Так мы, дети тех времен, научились не задавать вопросов, хоть нынешние испанцы и не любят об этом вспоминать. А еще они предпочитают забывать, что жили в бедной стране, хотя им по большому счету было не привыкать. Мы, испанцы, были бедны всегда, даже в те времена, когда испанские короли владели всем миром, когда золото Америк пересекало полуостров, не оставляя за собой ничего, кроме пыли, вздымаемой каретами, что везли его во Фландрию, в счет уплаты испанского королевского

долга. В Мадриде середины XX века, где пальто было роскошью, недоступной служанкам или поденщикам, шагавшим по улицам и пытавшимся убить время до поезда, который увезет их далеко-далеко — во Францию, собирать урожай на виноградниках, или в Германию, работать на заводе, — так вот, в этом самом Мадриде бедность была семейным предназначением, единственным наследством, которое родители могли передать детям. И все же в этом наследии было кое-что еще: богатство, которого мы, нынешние испанцы, лишены.

Поэтому старики меньше склонны бояться. Они возвращаются мыслями во времена своей юности и помнят все: пронизывающий холод, молчание в ответ на вопросы, калек, просивших милостыню на улицах, и тревогу родителей, когда на улице им приходилось столкнуться с полицейским. А еще — давнюю забытую привычку, которую они не смогли или не захотели передать своим детям. Когда кусок хлеба падал на пол, родители заставляли детей, прежде чем класть обратно в хлебницу, поцеловать его: такой голод пережили эти семьи в годы, когда умерло множество их близких и любимых, чьих историй никто не захотел нам рассказать.

Мы, дети, приученные целовать хлеб, вспоминаем детство — и перед глазами встает наследие голода, которого мы сами уже не знали: эти чудовищные омлеты, которые жарили наши бабушки, чтоб только не выкидывать взбитое яйцо, оставшееся от кляра для рыбы. Но мы не помним грусти.

А вот злость — помним, помним сжатые, словно из камня высеченные челюсти мужчин и женщин, которым за жизнь выпало столько несчастий, что другой бы уже сто раз сдался, а они продолжали бороться. Потому что тридцать лет назад в Испании дети получали в наследство от родителей не только бедность, но и умение переносить ее с достоинством, не унижаясь и не отступаясь от борьбы за будущее. Дети эти жили в стране, в которой бедность не была поводом стыдиться или сдаваться. Даже Франко за тридцать семь лет жестокой диктатуры, начавшейся с войны, развязанной им самим, не сумел задушить своих врагов: те продолжали влюбляться, заводить детей и жить счастливо. Еще не так давно в этом районе счастье было своего рода формой протеста.

Потом нам сказали, что об этом необходимо забыть, что для того, чтобы двигаться в будущее, нужно оставить все случившееся позади, а чтобы построить демократию, нужно смотреть лишь вперед, притворившись, что ничего особенного тут у нас не произошло. Пытаясь забыть плохое, мы, испанцы, позабыли и хорошее. Тогда оно казалось неважным: мы вдруг стали красивыми, прогрессивными, нами все заинтересовались... К чему же вспоминать войну, голод, сотни тысяч погибших и все это горе?

Так, отрекшись от женщин без пальто, от картонных чемоданчиков и поцелуев на хлебе, жители этого района, особого, но похожего на почти любой район любого испанского города, утратили связь с собственным прошлым, воспоминания, которые могли бы помочь

им преодолеть новую нищету, что застала их врасплох, явившись из самого сердца Европы, сулившей им богатство, на деле же похитившей у них сокровище, которого не купить ни за какие деньги.

Теперь жители этого района чувствуют себя даже не уничтоженными, а, скорее, растерянными, не понимают, как быть перед лицом неопределенности, они сбиты с толку, словно избалованный ребенок, у которого отобрали игрушку, а он не умеет ни возразить, ни потребовать обратно принадлежащее ему по праву, ни обличить и задержать воров.

Если б нас увидели наши бабки и деды, они умерли бы вначале от смеха, а потом от жалости, ведь по их меркам это не кризис, а так, небольшое неудобство. Мы, испанцы, много веков с достоинством переносили бедность, а вот покорными не были никогда. Никогда до этого самого момента.

Это история, сотканная из многих, история одного мадридского района, который пытается держаться и оставаться собой даже в самом эпицентре урагана — кризиса, который грозит перевернуть все вверх дном, хотя пока что ему это не под силу.

В этом районе живут семьи с детьми и без детей, пары с собаками и без, одиночки, молодежь, взрослые, старики, испанцы, приезжие, временами они счастливы, а временами несчастны, точнее, счастливы почти всегда,

а несчастны лишь изредка. Кое-кому не удалось удержаться на плаву, но в основном они продолжают бороться — ради самих себя и ради других — и держатся за старые привычки и давние традиции, чтоб оставаться теми, кто они есть, чтоб соседи могли и дальше звать их прежними именами.

Парикмахерская Амалии чуть не закрылась, когда прямо напротив открылся китайский маникюрный салон, но клиентки остались верны Амалии — правда, той пришлось снизить цены.

Бар Паскуаля по-прежнему работает, хотя с каждым днем он все меньше напоминает бар и все больше — штаб-квартиру разных организаций: союза жителей района, что пытается отстоять социальное жилье, которое городская администрация предательски продала фондам-стервятникам; ассоциации женщин, офис которой закрылся из-за недостатка средств; родительского комитета местной школы, которая перестала работать после обеда, потому что ей урезали финансирование внеурочных мероприятий... Но Паскуалю все равно. Хозяин бара — человек спокойный и добродушный, он просит всего лишь, чтобы каждый третий посетитель, к какой бы организации он ни принадлежал, время от времени заказывал хоть стакан пива, а всем остальным он с улыбкой приносит воды.

Множество старых магазинов закрылось. Им на смену пришли новые, почти всегда дешевые, большинство из них, хоть и не все, держат китайцы. А вот чуррерия, аптека, канцтовары и рынок остались на прежних местах и стали

своего рода точками отсчета, общими для давнишней и нынешней версий этого района.

Ну а в остальном — в сентябре начинается учебный год, в декабре наступает Рождество, в апреле зацветают деревья, летом приходит жара — в общем, жизнь идет.

Пойдемте посмотрим на нее вместе.

II. Сейчас

Семейство Мартинес Сальгадо возвращается из отпуска, и кажется, будто район вдруг заполнился людьми.

Три автомобиля въезжают в город друг за другом, в том же самом порядке, в котором утром выехали из деревушки на побережье в почти четырехстах километрах от Мадрида.

В первом автомобиле, прошедшем уже пару техосмотров, но все еще в отличном состоянии и безукоризненно чистом, едет Пепе Мартинес с родителями и его дочь Мариана.

Во втором, поскромнее, без наклеек с техосмотра и таком грязном, будто хозяйка решила захватить с собой на память полпляжа, — Диана Сальгадо с матерью и младшим сыном, Пабло, который всю дорогу развлекал их одним и тем же вопросом — «сколько нам еще?» — через каждые пару километров.

В третьем, принадлежавшем вначале Пепе, затем Диане и собравшем за многие годы внушительную коллекцию наклеек на правой части лобового стекла, едет Хосе, старший

сын, со своей девушкой и котом по имени Тигр, заключенным в чудовищное орудие пыток, называемое переноской.

— Ну вот и все! — восклицает Пепе, запихнув в лифт родительского дома последний чемодан. — Эх, как же быстро всегда пролетает отпуск!

— Да уж. — Мать виснет у него на шее, вздыхает, расцеловывает в обе щеки. — А так хорошо было...

— Спасибо за все, сынок. — Отец легонько приобнимает его: с тех пор, как Пепе исполнилось десять, отцу как будто неловко стало обнимать его по-настоящему. — Ну давай-давай, беги, а то оштрафуют, ты ж вторым рядом припарковался.

Пепе возвращается в машину и выжидает, пока отец выйдет на террасу гостиной, чтоб убедиться: все в порядке. Ему и невдомек, что за слова произносит его мать, пока отец машет ему рукой на прощание:

— Как же хорошо, Боже ты мой! Знаешь, что я сделаю первым делом?

— Ну конечно, — муж подходит к ней и обнимает, — снимешь лифчик.

— Нет, это потом. А сейчас я сбегаю к мяснику и куплю самое огромное свиное ухо, какое найду. И замочу чечевички...

— Ох, давай. — У него уже слюнки текут. — Теперь уж никаких салатиков со шпинатом и сырыми шампиньонами.

— И никакой грудки индейки на ужин! Сделаю хорошенькую деревенскую тортилью с колбаской, горошком и беконом...

— Радость-то какая! Раз уж у нас сегодня праздник, поставлю Бамбино.

— Отлично! — она хохочет, приподнимает юбку и делает пару танцевальных па под музыку, что звучит лишь в ее голове. — Хватит с нас уже этого чилаута!

Чуть позже Диана, несмотря на протесты матери, провожает ее до двери.

— Ну что ж, вот и все, — говорит Диана, поставив последний пакет в прихожей дома, где она выросла. — Как жаль, да, мам? Как же отпуск всегда так быстро пролетает!

Мать одним рывком обнимает ее, целует и начинает выталкивать на лестницу.

— Да-да, но ты беги скорей, дочка, мы же бросили ребенка одного, а у меня все прекрасно, мне, честное слово, ничего не надо...

Она закрывает дверь, не глядя скидывает сандалии, выходит на балкон помахать на прощание внуку и, провожая взглядом машину дочери, раскидывает руки, описывает полный круг на пятках и вздыхает.

— Боже ты мой, как хорошо!

Затем открывает чемодан, сует руку вглубь, будто знает, где именно находится то, что она ищет, достает пачку сигарет, закуривает и трижды затягивается, прикрыв глаза. Перед четвертой затяжкой она направляется на кухню, а после пятой — наливает себе кофе того самого цвета,

который дочь ей строго-настрого запретила, — чернее души самого дьявола. Прихватив чашку, она идет в кабинет, включает компьютер, кликает на иконку со шлемом античного воина и с наслаждением слушает музыку из заставки, по которой так скучала.

— Чертовы греки... — бормочет она, заходя под своим ником на страницу под названием «Пылай, Троя! Стратегия для нескольких игроков, онлайн». — Андромаха снова в деле!

Она закуривает еще одну и открывает партию, которую не успела закончить перед отъездом на море.

— Что, Ахилл, испугался?

Пепе заходит в дом раньше жены и обнаруживает на дверном коврике несчастного Тигра, все еще в переноске.

— Вот же негодяй! — бормочет Пепе, высвобождая Тигра из темницы и доставая рубашку, служившую ему подстилкой, — всю в шерсти, с ощутимым ароматом кошачьей мочи. — Что ж это за дела у него такие срочные?

— Пап, — Мариана со всей категоричностью своих семнадцати лет молнией проносится мимо и за секунду до того, как запереться у себя в комнате, быстро оглядывается на отца, — не тупи.

— Угу.

И все же, опустив кота на пол и оглядевшись вокруг, Пепе чуть не произносит слова, которые выкрикивает Мариана, включив свой супернавороченный компьютер

со всевозможными прибайбасами и мегаскоростным интернетом:

— Хорошо-то как, Боже!

Потому что ей больше не надо ни бороться с другими членами семьи за единственный ноутбук, ни делить с кем-то комнату, ни ждать своей очереди в душ после пляжа, ни таскаться на пляж, ни заходить в море в сопровождении обеих бабушек, которые держат ее за руку, как будто ей все еще пять.

— Как хорошо! — повторяет она тихонько, будто не в силах поверить собственному счастью, берется за мышку, и гладит клавиатуру, и с невыразимой нежностью смотрит на экран — а потом заходит в социальную сеть и видит имя, которое выбивает ее из равновесия.

— Андромаха! Опять! Да что ж такое, и откуда только она все время вылезает...

Мариана пытается удалить ее отовсюду, но Андромаха всплывает вновь и вновь, как пятно бензина на средиземноморском побережье.

— И что это вообще за тетка?

Пепе тем временем успел условиться на завтра сходить с парой друзей на футбол: первый день дома — это еще выходной, такой вот подарок сделал ему календарь, да к тому же его недавно повысили. Перед матчем они выпьют пива, после тоже зайдут в бар, а в понедельник — на работу наконец-то: будет сидеть один в кабинете под кондиционером, разрабатывать моторы и запчасти для самолетов — то есть делать то, что умеет, а не вкапывать

в песок пляжные зонтики, которые вечно улетают, жарить мясо, которое вечно подгорает, прогуливаться со старшими родственниками, которые вечно устают, и выстаивать по полчаса в очереди в супермаркете, чтобы дочь потом устроила скандал, потому что он принес йогурты с почти истекшим сроком годности, «и потом, я просила с клетчаткой, а не соевые, соевые ест мама, мог бы уже и запомнить...»

— Господи, хорошо-то как! — наконец выдыхает он и направляется к холодильнику за пивом.

Из окна кухни он видит машину жены, которой придется парковаться на улице, потому что место в гараже уже занял он.

Пабло, конечно же, не дожидается, пока мать найдет свободное место.

Дома его только и видели: друзья поджидали и теперь мчат ему навстречу. Фелипе держит баскетбольный мяч, Альба приветственно раскидывает руки. Все трое обнимаются, будто с их последней встречи прошло много лет, а не двадцать два дня. Пабло распахивает дверь своей комнаты, швыряет сумку на пол, пинком отправляет ее под кровать, захлопывает дверь и, как обычно, без долгих прелюдий выскакивает на улицу.

— Пап, я побежал!

Пабло — единственный член семейства Мартинес Сальгадо, который в тот день не произносит: «Господи, как

хорошо», но уже на лестничной клетке высказывается в следующем смысле:

— Слава Богу, все закончилось! Как же хотелось домой... Я там с ними чуть головой не поехал, честное слово.

С ними — это с бабушкой Ауророй, которая любовно брала его за подбородок, приговаривая: «Ну что за красавец у меня внук!», и с бабушкой Аделой, которая ерошила ему волосы и говорила бабушке Ауроре: «Ты только посмотри, Аурора, какой у нас внук красавчик», и с дедушкой Пепе, который требовал научить его собирать кубик Рубика, и с отцом — «Пабло, поиграй с дедушкой», и с матерью — «Пабло, неужели так сложно развлечь дедушку?», и с сестрой — «Ну ты и борзый, Пабло, а ну собрал дедушке кубик!».

Диана последняя: ей приходится разбирать чемоданы, но не до конца. Завтра — напоминает она себе с улыбкой — наконец придет помощница по хозяйству.

Она вываливает грязную одежду в корзину для белья, но стиральную машину не запускает — завтра придет помощница, — и улыбка ее становится еще чуть шире.

Потом она инспектирует холодильник и составляет список покупок, но в магазин не идет — завтра же помощница, а до конца отпуска еще целая неделя — и вся расплывается в улыбке.

— На ужин сегодня пицца, никто не возражает? — кричит она, стоя в коридоре.

Никто не отвечает, никто не напоминает ей, что она вообще-то эндокринолог, поэтому она закрывается у себя в спальне, включает вентилятор на потолке, срывает с себя одежду, бросается на кровать, раскидывает руки и ноги и улыбается снова.

— Как хорошо-то, Боже мой!

Услышав этот звук впервые, София Сальгадо не сразу распознает в нем плач.

Квартирка крошечная, тесная и уродливая. С видом на море, но оно так далеко, что даже не кажется синим. Мадридцу никак не взять в толк, каким образом все в этой квартире — стены, оконные рамы, простыни и мебель в псевдопрованском стиле (обставьте дом целиком всего за пятьсот евро!) — пропитано сыростью, несмотря на убийственное солнце, которое чуть не спалило их, пока они дошли двести метров от парковки до дома. Первое, что видит София, войдя, — фигурка из цветного стекла на комод, чудовищный грустный клоун, и дырки от сигарет на безобразных шторах кирпичного цвета. Она ничего не говорит. Ее подруга Марита, решительная и целеустремленная, как обычно, тут же раздвигает шторы, запихивает клоуна в ящик, подходит к Софии, приобнимает за плечи и ощутимо встряхивает.

— Так лучше?

София кивает и пытается улыбнуться, выходит у нее так себе, но она не сдается и все же выдавливает из себя улыбку, ведь Марита, лучшая подруга еще со школы, не виновата в том, что жизнь развалилась.

Марита тоже неудачно вышла замуж и после многих лет брака разошлась с мужем, у нее тоже сын, который проводит последние дни августа с отцом, но Марите повезло больше, чем Софии: она разлюбила мужа гораздо раньше, чем тот объявил ей, что влюбился в другую, а самое главное, она-то не застала мужа с личной тренершей — оба голые, активничают на ковре в его кабинете.

Именно это произошло с Софией, воспитательницей в детском саду, пару месяцев назад, когда одним весенним днем она освободилась раньше, чем рассчитывала, и решила зайти за Агустином, чтобы вместе пообедать. От одной мысли о том дне Софии хочется выдвинуть ящик, достать грустного клоуна из цветного стекла и долго-долго смотреть на него, пока из глаз не брызнут слезы, как в тот день — она тогда пулей, как безумная, выбежала из кабинета, укрылась у Мариты и все ей рассказала.

— А знаешь, что хуже всего? Ты б ее видела. Тридцать лет, тело обалденное, светлая кудрявая грива, золотистые пряди спадают на грудь... Венера Боттичелли, только такая, знаешь, вся из себя естественная. Как будто так с этими золотыми кудрями и родилась, сволочь...

— И чего? — перебила ее Марита, не дав добавить, что у этой сволочи еще и грудь как будто бы своя. — А тебе тридцать шесть, и лифчик у тебя на пару размеров по-

больше, зуб даю. И чего? Муж твой разорится — всю эту красоту содержать. Да пошел он!

— Легко тебе говорить...

И это была правда. Марита умолкла и больше о ее муже не заговаривала, а только окружала Софию заботой, развлекала и скучала рядом с ней — пока не придумала план получше.

— Слушай, я придумала! Давай с тобой съездим на недельку на море, а? Будем разлагаться, есть, пить, флиртовать с красавцами...

Так они и оказались в этой жуткой квартире, которая, впрочем, по вечерам, когда они возвращаются из бара — безо всяких красавцев, зато нехило перебрав, — уже не кажется Софии такой уж жуткой. И все же по ночам ей не спится. Еще и трех месяцев не прошло с тех пор, как ее муж ушел к тренерше, и ложиться в постель одной для нее мука.

И вот она вертится, клянет узкий матрас и отсыревшие простыни — и вдруг слышит этот звук: поначалу глухой, напоминающий громкий ритмичный храп, он постепенно истончается и завершается задущенным всхлипом. В первую ночь она не понимает, в чем дело, собака, думает она, или, может, ребенок, но нет, ей ли не знать, как плачут дети. Она засыпает, не разгадав загадки, и за завтраком спрашивает Мариту, не слышала ли она этих звуков, но Марита спала как убитая — «у меня на море всегда так» — и ничего не слышала. Днем — море, пляжный бар, сардины на гриле, мохито, и еще море, еще бар, еще и еще

мохито, — София забывает о загадке соседней квартиры, но ночью вновь слышит звук и наконец понимает, что творится по ту сторону стены.

С тех пор ее больше занимает сосед, чем пляжные развлечения. Этот тягучий безутешный плач происходит из души и тела одинокого мужчины лет сорока пяти — голова бритая, чтобы скрыть намечающуюся лысину, живот подтянутый благодаря долгим пробежкам по утрам и вечерам, худые ноги. Ни красавец, ни урод, но есть в нем какая-то грубая нутряная привлекательность, как бывает с бритыми самцами, словно источающими тестостерон. И все же он печален. Именно это бросается в глаза первым делом — он печален.

Наверное, тоже застукал жену с ее личным тренером, думает София, и каждый новый день приносит подтверждения ее правоты. Квартира у соседа трехкомнатная, но окно открыто лишь в одной из спален.

Однажды София слышит, как он разговаривает с ребятами в подъезде.

— А где Хави с Эленой? Когда они приедут?

Он смотрит под ноги.

— Знаете... В этом году они, наверное, не приедут. Но я им передам, что вы спрашивали.

В другой день София видит его в супермаркете: он берет упаковку из шести пакетов цельного молока, кладет в тележку, с удивлением смотрит на нее, вытаскивает из тележки, ставит на место и берет один пакет молока, обогащенного рыбьим жиром. Ага, так значит,

у него еще и холестерин повышен, у бедняги, — думает София, и ее захлестывает странная волна нежности к незнакомцу.

— Ты же не думаешь с ним связаться? — спрашивает Марита, изобразив гримасу ужаса, которая, впрочем, тут же сходит с ее лица. — А вообще, если так подумать, почему бы и нет...

— Да нет, — отвечает София, — не думаю.

Она об этом не думает, и все же безутешный мужчина по ту сторону стены странным образом составляет ей компанию — даже когда перестает плакать и из его квартиры начинают доноситься более мирные звуки бессонницы: щелканье выключателя, скрип матрасных пружин, шлепанье ног между спальней и туалетом. Звуки эти убаюкивают ее каждую ночь, будто колыбельная.

Она так и не отваживается с ним заговорить и не знает даже, как его зовут. Первого сентября, ослепительным днем, какими бывают лишь последние дни отпуска, они сталкиваются на лестнице. София спускается с чемоданом, сосед поднимается, держа в руках вывеску с крупной надписью «ПРОДАЕТСЯ» и мадридским телефонным номером. Лестница узкая, им не разойтись. Он с улыбкой пропускает Софию, та улыбается в ответ и шагает дальше, не сказав ни слова.

— Смотри-ка, Софи, — прежде чем завести машину, Марита показывает на дом. — Он уже повесил объявление. Хочешь, запишем номер?

— Не глупи, поехали уже.

Еще на лестнице София Сальгадо краем глаза подметила название компании, которая продает квартиру.

У нее и в мыслях нет звонить в агентство недвижимости «Призма», и все же, сама не понимая почему, она возвращается в Мадрид в куда лучшем настроении, чем уезжала.